

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн

Пестрота

«Public Domain»

1921

Куприн А. И.

Пестрота / А. И. Куприн — «Public Domain», 1921

«Теория большевизма, как, впрочем, и всякая социалистическая теория, осталась для русских масс непонятной. Глубокий, но простой и легко усвояемый смысл имела его практическая программа...»

Александр Иванович Куприн Пестрота

Теория большевизма, как, впрочем, и всякая социалистическая теория, осталась для русских масс непонятной. Глубокий, но простой и легко усвояемый смысл имела его практическая программа.

«Мир хижинам, война дворцам». «Грабь награбленное». «Смерть буржуям и капиталистам». «Вся власть пролетариату». От всех этих лозунгов густо запахло наживой, властью, мстью, весельем грабежа, жутко манящей, приторно сладкой безнаказанностью убийства, пьяными разгульными красными денечками, колдовским запахом свежей крови...

И как странно, дико и пестро потянулись к большевизму русские люди всевозможных профессий сообразно с качеством этих соблазнительных приманок и с особенностями своего ремесла.

Крестьянин присмотрелся и к большевизму, и к коммунизму: насколько они смогут обеспечить ему неприкосновенность труда на захваченной навеки земле; понюхал и отвернулся, махнув рукой со злобой и отвращением. А вместе с ним махнули рукой все его городские земляки и неудержимо потянулись в деревню.

Рабочие, несущие сложный, опасный и тяжелый труд около доменных, пудлинговых и бессемеровских печей, на рельсопрокатных заводах, около изумительных, грандиозных машин, все эти мастера, модельщики, формовщики, литейщики, машинисты и т. п., которые раньше так открыто, смело и верно служили идее революции, давно уже отвалились от большевиков и стоят к ним в оппозиции. То же самое печатники – самые языкатые, вольнолюбивые и дерзкие люди из всех рабочих.

Совсем не грешны большевизмом степенные плотники и буйные рыболовы. Они вместе с пчеловодами считают свое ремесло «Божьим». Кроме того, им близко артельное начало, а надо заметить, – и это очень странно, – что привычные к артели работники не уживаются с коммунизмом. Отсутствуют в коммунах каменщики, зато крупный уклон влево замечается у банщиков, привыкших не видеть в голых людях разницы; и те и другие – Тульской губернии.

Мастеровые, имеющие постоянное дело с режущим, колющим и сверлящим инструментом, – чаще всего за классовую борьбу; из них, сейчас уже вслед за сапожниками и портными, этими всегдашними кривоногими бунтарями, идут слесари и водопроводчики. Исключение – как это ни удивительно – представляют повара, люди пламенного темперамента, всегда вооруженные и к тому же баснословные пьяницы; но они – как хотите – служители высокого искусства. Пожарные – за войну дворцам, кухарки – против, как они ладят – не знаю.

Надо ли говорить о лакеях, официантах, бывших денщиках? Они неизбежно на самом левом крыле, причем достойно внимания, что наиболее ревностны в служении власти пролетариата лакеи из самых низших кабачков, а денщики – так самых лучших, добрых офицеров.

Очень старательны перед советским правительством люди полуинтеллигентных профессий и разные бывшие второстепенные, мелкие служащие: фельдшера, техники, кочегары, писаря, приказчики и всякие полуспециалисты по электричеству. В классовой борьбе они настойчиво уминают под себя докторов, инженеров и старых хозяев, обвиняя их в невежестве, эксплуатации, саботаже и корыстолюбию. Они и получают свою награду. Фельдшерам давно уже даровано звание докторов. Бывший кочегар – нередко начальник дистанции. Репортер «Биржевых ведомостей» заведует Публичной библиотекой. Но почему бывший метранпаж стоял во главе Надеждинского гинекологического института – извините, не понимаю!

Бывшие горничные, как на подбор, ярые коммунистки. Их я понимаю более всех других. Надо знать, какое вычное животное представляла из себя в старые времена горничная, чтобы понять ее нынешние непримиримые чувства. Да! Если в большевизме отпрыгнул старинный

рабовладельческий дух, то, с другой стороны, большевизм дал жестокие и незабываемые уроки для будущего!

Рядом с ними поставлю дворников, и по тем же причинам. Ночные дежурства особенно озлобляют бессонную душу, если они бездоходны. Что касается швейцаров, они, подобно парижским портье, консервативны.

Курьезно разногласие в приятии большевизма среди тружеников, обслуживающих сообщения: телеграфисты – красны, радиотелеграфисты – пурпуровы, телефонистки склонны к большевизму прямо пропорционально красоте наружности (в Петербурге они были подряд хорошенькие); почтальоны и младшие чиновники почти до сих пор усердно и беспартийно служат своему развалившемуся делу. Тут чисто русский курьез: два ведомства еще до революции несли самый тяжелый труд, менее всего оплачивались, были наиболее ответственными в денежном смысле и наиболее старались не за страх, а за совесть – почтовое и лесное.

Не будем говорить о женщинах из ЧК. Их влекут туда половые извращения, о которых даже специалисты-психиатры мало знают из-за свойственной больным женщинам этого сорта упорной скрытности (см. Крафта-Эбинга, «Половая психопатия»). Профессиональные проститутки сделались женами комиссаров. Вреда они большого не делают, состоят в законном браке, но стоят республике немало. Кстати женский состав балета весь идейно обольшевичен.

«Души кучеров мало исследованы», – как сказал мистер Пиквик. Русских в особенности. Это была крепкая, наследственная порода – серьезная, самоуверенная, стойкая и несколько высокомерная; общение с лошадьми воспитывало ее в этом характере. Ныне она вымерла с вымиранием лошадей. Остались лихачи для комиссаров, но у них давняя общность работы.

Зато их потомки – шоферы, это уродливое явление проклятой механистической культуры, кажется, во всем мире настроены на красный лад. И немудрено: эти сверхчеловеки вследствие сидячей и потрясучей жизни сплошь тяжело больны приливами крови, нервы у них раскалены, а частые «освещения» во время стоянок тоже не способствуют душевному равновесию. Кроме того, вечное пожирание пространства кружит голову, а раздавленные мопсы и старухи делают сердце привычно-жестоким.

Шофер – внук кучера, но сын лихача. Подождите: то ли еще будет, когда культура произведет на свет Божий воздушных извозчиков! Те, вероятно, прямо и будут рождаться с зубами во рту, с красным знаменем в одной руке и бомбой в другой.

1921 г.